

*Ахметова А. Т., Ст.преподаватель кафедры Гражданского права и процесса
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г.Стерлитамак*

*Волкова Н. С., Студент 4 курса Юридического факультета
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г.Стерлитамак*

СВЕРХИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация: авторами статьи проводится анализ развития сверхимперативных норм в международном частном праве, определения сущности норм и их значение.

Ключевые слова: сверхимперативные нормы; правовое регулирование; публичные интересы; императивные нормы.

Annotation: the authors of the article analyze the development of over-operative norms in private international law, determine the essence of norms and their significance.

Keywords: over-operative norms; legal regulation; public interests; peremptory norms.

Примерно с 50-ых годов двадцатого столетия в практике международного частного права предстала проблема определения сверхимперативных норм. В 1980 г. в Римской конвенции «О праве, применимом к договорным обязательствам» было установлено, что «ничто не препятствует применению норм страны суда в ситуациях, когда они являются сверхимперативными, независимо от права, применимого к договору». Однако, называя возможность

применения таких норм, конвенция не содержала ни определения данному понятию, ни критериев, по которым возможно было бы определить их.

Были и другие попытки закрепления такого института как сверхимперативные нормы. Так, в 1969 г. страны, входящие в межправительственную организацию Бенилюкс, попытались установить положения о сверхимперативных нормах в Договоре касательно единообразного закона о международном частном праве, однако данный договор так и не вступил в силу. В Гаагских конвенциях 1978 и 1984 гг. о праве, применимом к агентским договорам и трастам, было предусмотрено применение императивных норм помимо норм применимого права, если наблюдается достаточная связь с правопорядком и сверхимперативный характера этих норм.

После стольких попыток определения сверхимперативных норм, разработчики проекта Регламента Европейского парламента и Совета ЕС от 17 июня 2008 г. «О праве, применимом к договорным обязательствам» решили включить дефиницию вызвавшего столько проблем на практике понятия. В соответствии с п. 1 ст. 9 указанного документа «преобладающими императивными положениями являются положения, соблюдение которых признано страной в качестве имеющего принципиальное значение для охраны ее публичных интересов, таких как ее политическое, социальное или экономическое устройство, в такой степени, в какой они подлежат применению к любой ситуации, подпадающей под их действие, независимо от того, какое право в ином случае подлежало бы применению к договору согласно настоящему Регламенту». Далее было уточнено, что «может придаваться действие преобладающим императивным положениям права страны, где возникающие на основании договора обязательства должны быть или были исполнены, в той мере, в какой эти положения делают исполнение договора незаконным». При этом «при решении вопроса о придании действия этим положениям должны учитываться их характер и цель, а также последствия их применения или неприменения» [1].

Среди теоретиков международного частного права тоже возникло множество споров по определению понятия сверхимперативных норм. Так, в 40-е

годы XX в. немецкий профессор В. Венглер определяет данные нормы через теорию специальной связи. Он утверждает, что к действительности договора могут применяться императивные нормы других государств, с которыми договор имеет связь [10, с.115]. К. Цвайгерт, в какой-то степени продолжая учение В.Венглера, приходит к выводу, что иностранные императивные нормы могут применяться судами другого государства, если это затрагивает экономические интересы государства. При этом императивность таких норм должна быть оправдана с точки зрения мирового сообщества [7, с.157]. Другая концепция была предложена американским исследователем Брайнердом Карри. Он утверждает, что суд всегда должен определять цель и политику нормы, а потом уже определять степень императивности, не учитывая при этом коллизионные нормы [6]. Очень подробно исследовал вопрос о сверхимперативных нормах французский ученый Ф. Франсескакис. Его концепция заключается в том, что в любом государстве есть совокупность материальных норм, которые являются обязательными независимо от содержания коллизионной нормы, отсылающей к иностранному праву. Такая норма всегда состоит из материально-правового содержания и «квалифицирующего» элемента, т.е. указания на территориальную и персональную сферу действия. Также, подобные нормы всегда имеют особенно значимый интерес для государства и затрагивают публично-правовые отношения [11, с.16]. Современные немецкие ученые определяют понятие сверхимперативных норм как «нормы, подлежащие благодаря своему большому народнохозяйственному и социально-политическому значению применению независимо от компетентного правопорядка, к которому отсылает коллизионная норма (или который выбран сторонами на основании автономии воли сторон)» [8, с.409]. Таким образом, все исследователи утверждают, что нормы являются сверхимперативными, когда они затрагивают общезначимые интересы государства такие как экономические интересы, имеют социально-политическое воздействие и оказывают влияние на публичный интерес.

Так, во многих европейских странах есть прямые указания на императивность нормы в национальном законодательстве. Например, в

Швейцарии согласно Закону «О международном частном праве» Швейцарии от 18 декабря 1987 г. к таким относятся нормы, защищающие права арендаторов и работников, также, регулирующие приобретение земельных участков иностранными гражданами. Интересно, что в Греции сверхимперативностью обладают нормы, затрагивающие права потребителей. В то время как в Германии к сверхимперативным нормам в аспекте международного частного права относятся только те, что защищают публичный интерес, то есть из этого списка исключаются правила, которые направлены на защиту слабой стороны договора. Сверхимперативные нормы, также, предусмотрены законодательством Бельгии, Венесуэлы, Китая, Южной Кореи и многих других [2]. Такое положение существует и в российском законодательстве в ст. 1192 ГК РФ, которая гласит «правила ... не затрагивают действие тех императивных норм законодательства Российской Федерации, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (нормы непосредственного применения)». Российская Федерация учитывает императивные нормы и других стран, что исходит из прочтения второго пункта указанной статьи: «суд может принять во внимание императивные нормы права другой страны, имеющей тесную связь с отношением, если согласно праву этой страны такие нормы являются нормами непосредственного применения. При этом суд должен учитывать назначение и характер таких норм, а также последствия их применения или неприменения». Сложность состоит в определении сверхимперативных норм, поскольку в указанной статье не проводится различий между императивными и сверхимперативными. Итак, императивными нормами гражданского законодательства называются те, что обязательны для применения в рамках национального законодательства, их содержание не может быть изменено сторонами в согласованных ими договоре. Противоположностью являются нормы диспозитивные, которыми согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 16 от 14 марта 2014 г. являются

все, что не являются императивными с определенными ограничениями. Указанные нормы не входят в предмет регулирования международного частного права. В то время как сверхимперативными необходимо считать те, что обладают особым характером и подлежат применению независимо от того факта, что правоотношение должно в силу коллизионных принципов или выбора сторон регулироваться иностранной правовой системой. Именно об этих нормах идёт речь в ст. 1192 ГК РФ. На практике сложно провести границу между указанными нормами, некоторые исследователи высказывают мнение о том, что все императивные нормы национального гражданского права стоит считать таковыми и для целей международного частного, однако невозможно согласиться с таким мнением, поскольку даже в Римской конвенции, которая ввела институт сверхимперативных норм, указанные нормы обозначены разными понятиями: для императивных положений внутреннего права применяется «*disposition imperatives*», а для сверхимперативных, т.е. тех, что обладают международным характером – «*lois de police*».

Так какие же нормы в РФ можно считать сверхимперативными? Ранее такой являлась норма п. 3 ст. 162 ГК РФ, устанавливавшая, что несоблюдение простой письменной формы влечет недействительность внешнеэкономической сделки. С 2013 г. данное положение утратило силу, на наш взгляд, это сделано из экономических соображений, так как это ведёт к неоправданно большим транзакционным издержкам [4]. Сверхимперативной нормой можно назвать положения Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», поскольку они применяются к отношениям сторон независимо от избранного ими права. По нашему мнению, это совершенно логично, что подобные положения относятся к сверхимперативным, поскольку даже из названия федерального закона становится понятно, что данные правоотношения затрагивают публичный интерес, а, также, оказывают влияние на экономические и социальное развитие государства. Г. К. Дмитриева называет

сверхимперативными нормы, содержащиеся в следующих статьях ГК: ст. 166 (о праве суда применить последствия недействительной сделки по своей инициативе); ст. 205 (о восстановлении срока исковой давности); ст. 333 (предоставляющая право суду уменьшить неустойку, когда она явно несоразмерна убыткам); ст. 393 (о праве суда при определении размера убытков принять во внимание цены, существующие в день вынесения решения); ст. 395 (о праве суда определить день, на который принимается во внимание ставка банковского процента при взыскании процентов годовых); ст. 404 (о праве суда уменьшить размер ответственности должника по вине кредитора) и др.[9, с.89].

В целом, нельзя сказать, что судебная практика в России по применению ст. 1192 ГК РФ является обширной и однообразной [5]. Так, в Определении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.04.2014 № ВАС-972/14 суд отказал в применении иностранных правовых норм со ссылкой на ст. 1192. Однако в Постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа от 3.06. 2011 № КГ- А40/4808-11 по делу № А40-75996/10-6-647 были применены нормы иностранного права, несмотря на утверждение заявителя о нарушении ст. 1192 ГК. Однако в тексте Информационного письма Президиума ВАС РФ № 156 установлено, что для целей применения пп. «в» п. 2 ст. V Нью-Йоркской конвенции и п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ действия, прямо запрещенные сверхимперативными нормами российского законодательства, должны наносить ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагивать интересы больших социальных групп, нарушать конституционные права и свободы частных лиц [3].

Таким образом, на практике и в доктрине возникает множество проблем с применением сверхимперативных норм как в России, так и на международном уровне. Основная проблема связана с определением указанного понятия, но большинство исследователей и правовых актов устанавливают следующие критерии сверхимперативности: затрагивание публичных интересов всего общества, экономических, социальных и политических аспектов жизнедеятельности государства.

Библиографический список:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // «Парламентская газета», N 224, 28.11.2001 // СПС «Консультант Плюс».
3. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» от 26.02.2013 № 156 // СПС «Консультант Плюс».
4. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.04.2014 № ВАС-972/14 // СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 3.06. 2011 № КГ- А40/4808-11 по делу № А40-75996/10-6-647 // СПС «Консультант Плюс».
6. Currie B. Selected essays on the conflict of laws. Durham. 1963.
7. Mann F. Conflicts of Laws and Public Law // 132 Rec.des.Cours. 1971.
8. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфольс П. Международное частное право и сравнительное / Пер. с нем. д-ра юр. наук Ю.М.Юмашева. М.: Междунар. Отношения. 2003.
9. Лопатин. Д.Б. Оговорки о «сверхимперативных» нормах и о публичном порядке и применение форумами международного коммерческого арбитража норм иностранного права // Бизнес в законе. 2013.
10. Лунц Л.А. Международное частное право. Москва: «Юридическая литература». 1970.
11. Поляк Я.В. Сверхимперативные нормы международного частного права в Российской Федерации и Республике Беларусь. дис. ... канд. юрид. наук.